

1824–1895

«Дюма-сын стремился найти в каждой женщине Прекрасную Даму рыцарских романов. Но живая женщина — не Дама... Он прошел школу аморализма. Он наблюдал мир, населенный бесстыдными распутниками..., ограниченными и тупыми мужьями, ловкими и развращенными женщинами... и он стал Вершителем Правосудия, Другом женщин, но также их Судьей».

Андре Моруа

классика в кармане

А. ДЮМА-СЫН

классика
в кармане

Дама с камелиями

Вот уже полтора века судьба Маргариты Готье, «дамы с камелиями», порочной — но бесконечно благородной, падшей — но с чистой невинной душой, волнует читателей, зрителей, композиторов, режиссеров. Ее образ воплотили великие Сара Бернар и Грета Гарбо. Верди написал о ней знаменитую «Травиату». Развратная и добродетельная, хладнокровная и нежная, расчетливая и бескорыстная, героиня Дюма на удивление современна. И заставляет вновь и вновь перечитывать великую мелодраму.

www.bmm.ru

www.trade.bookclub.ua

классика
В
кармане

А. ДЮМА-СЫН

классика
в кармане

А. ДЮМА-СЫН

Дама с камелиями

Дама с камелиями

*классика
в кармане*

А. ДЮМА-СЫН

Дама с камелиями

Москва

УДК 821.111
ББК 84(4)
Д68

Проект Д. Е. Веселова

Вступительная статья *Ж. Женана*
Примечания *И. С. Веселовой*

Печатается по изданию:

Дюма А. Дама с камелиями. — Воронеж:
Изд-во Воронежского университета, 1992.
Переводчик *С. Антик*

В оформлении обложки использованы фрагменты картин
Джованни Больдини «Мадмуазель De Nemidoff»,
Георга Виктора Кларена «Портрет Александра Дюма»
Иллюстрации Ж. Жордика-Пиньона

Литературно-художественное издание

Серия «Классика в кармане»

ДЮМА-сын Александр
Дама с камелиями

Дизайнеры обложки *Т. Н. Коровина, Я. В. Крутий*
Дизайнер-верстальщик *Е. М. Залипаева*

Подписано в печать 20.08.2012. Формат 76×100/32.

Усл. печ. л. 8,44. Тираж 5000 экз. Заказ №

ЗАО «БММ», г. Москва, Проспект Мира, д. 68, стр. 1А. Тел. (495) 984-35-23;
e-mail: office@bmm.ru

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 61140, Харьков-140,
пр. Гагарина, 20а; e-mail: cor@bookclub.ua. Св. № ДК65 от 26.05.2000

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»

Свидетельство ДК № 3461 от 14.04.2009 г.

Украина, 61045, г. Харьков, ул. О. Яроша, 18

© И. С. Веселова, составление,
примечания, 2012

© Nemiro Ltd, 2012

© ЗАО «Фирма Бертельсманн
Медиа Москау АО», 2012

© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012

ISBN 978-5-88353-475-0 (серия)

ISBN 978-5-88353-488-0 (БММ)

ISBN 978-966-14-4247-3 (КСД)

Мари Дюплесси

В тысяча восемьсот сорок пятом году, в эпоху благоденствия и мира, когда молодая Франция была осыпана всеми дарами ума, таланта, красоты и богатства, в Париже проживала молодая, замечательно красивая и привлекательная особа; где бы она ни появлялась, все, кто видел ее в первый раз и не знал ни имени, ни профессии, обращали на нее почтительное внимание. И действительно: у нее было самое безыскусственное, наивное выражение лица, обманчивые манеры, смелая и вместе с тем скромная походка женщины из самого высшего общества; лицо у нее было серьезное, улыбка значительная, и при виде ее можно было повторить слова Эллевью¹ об одной придворной даме: не то это кокетка, не то герцогиня.

Увы, она не была герцогиней и родилась на самом низу общественной лестницы; нужно было иметь ее красоту и привлекательность, чтобы в восемнадцать лет так легко перешагнуть через первые ступени. Помню, я встретил ее в первый раз в отвратительном фойе одного бульварного театра, плохо освещенного и переполненного шумной публикой, которая обыкновенно относится к мелодраме, как к серьезной пьесе. В толпе было больше блузок, чем платьев, больше чепцов, чем шляп с перьями, и больше потрепанных пальто, чем свежих костюмов; болтали обо всем: о драматическом искусстве и о жареном картофеле; о репертуаре театра Жимназ² и о сухарях в театре Жимназ; но когда в этой странной обстановке появилась та женщина, казалось, что взглядом своих прекрасных глаз она осветила все эти смешные и ужасные вещи. Она так легко прикасалась ногами к неровному паркету, как будто в дождливый день переходила бульвар; она инстинктивно приподнимала платье, чтобы не коснуться засохшей грязи, вовсе не думая показывать нам свою стройную, красиво обутую ножку в шелковом ажурном чулке. Весь ее туалет гармонировал с ее гибкой

¹ Эллевью Пьер-Жан-Батист-Франсуа (1769–1842) — известный французский оперный певец, тенор. (*Примеч. сост.*)

² Открыт в Париже в 1820 г. как тренировочный театр для студентов консерватории, действует до сих пор. (*Примеч. сост.*)

и юной фигуркой; прелестный овал слегка бледного лица придавал ему обаяние, которое она распространяла вокруг себя, словно какой-то необыкновенно тонкий аромат.

Она вошла, прошла с высоко поднятой головой через удивленную толпу, и — представьте себе наше удивление, Листа и мое, — фамильярно села на нашу скамейку, хотя ни Лист, ни я не были с ней знакомы; она была умная женщина, со вкусом и здравым смыслом, и первая заговорила с великим артистом; она сказала ему, что слышала его недавно и что он очаровал ее. Он, подобный звучным инструментам, которые отвечают на первое дуновение майского ветерка, слушал со сдержанным вниманием ее слова, полные содержания, звучные, красноречивые и мечтательные по форме. Со свойственным ему поразительным тактом и привычкой вращаться как среди официального мира, так и среди артистического, он задавал себе вопрос, кто эта женщина, такая фамильярная и вместе с тем такая благородная, которая первая с ним заговорила, но после первых же слов обращалась с ним несколько высокомерно, как будто он был ей представлен в Лондоне, при дворе королевы или герцогини Сутерландской?¹

Однако в зале уже прозвучали три торжественных удара режиссера, и в фойе не осталось никого из публики и критиков. Только незнакомая дама оставалась со своей спутницей и с нами, — она подседа даже поближе к огню и поставила свои замерзшие ножки так близко к поленьям, что мы свободно могли рассмотреть ее всю, начиная с вышивки ее юбки и кончая локонами прически; ее рука в перчатке была похожа на картинку, ее носовой платок был искусно обшит королевскими кружевами; в ушах у нее были две жемчужины, которым могла бы позавидовать любая королева. Она так носила все эти вещи, как будто родилась в шелку и бархате, под золоченой кровлей, где-нибудь в великолепном предместье, с короной на голове, с толпой льстецов у ног. Ее манеры гармонировали с разговором, мысль — с улыбкой. Туалет — с внешностью, и трудно было бы отыскать на самых верхах общества личность, так гармонировавшую со своими украшениями, костюмами и речами.

Лист был очень удивлен таким чудесным явлением в подобном месте, таким приятным антрактом в этой ужасной мелодраме и разошелся. Он был не только величайший артист, но и очень красноречивый собеседник. Он умел разговаривать с женщинами и, как они, переходил от одной идеи к другой, прямо противоположной. Он

¹ Сутерланд (Sutherland) — графство в Сев. Шотландии. (*Примеч. сост.*)

обожал парадоксы, и то касался серьезных материй, то смешных; я не сумею вам описать, с каким искусством, с каким тактом, с каким безграничным вкусом он вел с этой незнакомкой обычный, немного вульгарный и в то же время чрезвычайно изящный разговор.

Они разговаривали так в продолжение всего третьего акта мелодрамы, а ко мне обращались только два раза из вежливости; я находился как раз в это время в том скверном настроении, когда человеческая душа не поддается никакому восторгу, и был уверен, что незнакомая дама считает меня очень скучным и глупым, в чем она была совершенно права.

Зима прошла, прошло лето, а осенью на блестящем бенефисном спектакле в опере мы вдруг увидели, как шумно открылась большая ложа в бельэтаже, и там появилась с букетом в руках та самая красавица, которую я видел в бульварном театре. Это была она! Но на этот раз — в роскошном туалете модной женщины, сверкая блеском победы. Она была восхитительно причесана, ее прекрасные волосы были переплетены бриллиантами и цветами и так грациозно зачесаны, что казались словно живыми; у нее были голые руки и грудь, и на них сверкали ожерелья, браслеты, изумруды. В руках у нее был букет, не сумею сказать какого цвета; нужно иметь глаза молодого человека и воображение ребенка, чтобы различить окраску букета, над которым склоняется красивое лицо. В нашем возрасте замечают только щечки и глаза и мало интересуются всем остальным, а если стремятся сделать какие-нибудь выводы, то их черпают в самом человеке, и это доставляет немало труда.

В этот вечер Дюпрэ¹ начал борьбу со своим непокорным голосом, окончательный бунт которого он уже предчувствовал; но он один это предчувствовал, большая публика этого и не подозревала. Только немногие любители угадывали усталость, скрытую под искусными приемами, и истощение артиста от колоссальных усилий лгать перед самим собой. По-видимому, прекрасная дама, о которой я говорю, была такой ценительницей: послушав несколько минут очень внимательно и не поддавшись обычному очарованию, она энергично отодвинулась в глубину ложи, перестала слушать и начала с лорнетом в руках изучать публику.

Вероятно, она многих знала среди избранной публики этого спектакля. Судя по движению ее лорнета, легко было заключить, что

¹ Жильбер Дюпре (1806–1896) — французский оперный певец (тенор). (Примеч. сост.)

молодая женщина могла рассказать многое о молодых людях с самыми громкими именами; она смотрела то на одного, то на другого, без разбора, не выделяя никого своим вниманием, равнодушная ко всем, — и каждый отвечал ей на оказанное внимание улыбкой или быстрым поклоном, или мимолетным взглядом. Из глубины темных лож и мест оркестра к прекрасной женщине летели другие взоры, пламенные, как вулкан, но их она не замечала. Но когда ее лорнет случайно попадал на дам из настоящего общества, она внезапно принимала такой покорный и жалкий вид, что было больно на нее смотреть. И, наоборот, она с горечью отворачивалась, если по несчастной случайности ее взор падал на красавиц, пользующихся сомнительной известностью и занимающих самые лучшие места в театре в большие дни. Ее спутник (на этот раз у нее был кавалер) был очень красивый молодой человек, наполовину парижанин, сохранивший еще некоторые остатки отцовского состояния, которые он съедал день за днем в этом погибельном городе. Этот начинавший жить молодой человек гордился своей спутницей, достигшей апогея красоты, с удовольствием афишировал свое право собственности на нее и надоедал ей всевозможными знаками внимания, которые так приятны молодой женщине, когда они исходят от милого сердцу любовника, и так неприятны, когда не встречают взаимности... Она его слушала, не слыша, и смотрела на него, не видя... Что он говорил? Она не знала; но она старалась отвечать, и эти бессмысленные слова утомляли ее.

Таким образом, сами того не подозревая, они были не одни в ложе, стоимость которой равнялась полугодичному пропитанию целой семьи. Между ней и ним возник обычный спутник больных душ, уязвленных сердец, изможденных умов: скука, этот Мефистофель заблудших Маргарит, павших Кларисс, всех этих богинь, детей случая, которые бросаются в жизнь без руля и без ветрил.

Она, эта грешница, окруженная обожанием и поклонением молодости, скучала, и эта скука служила ей оправданием, как искупление за скоро преходящее благоденствие. Скука была несчастьем ее жизни. При виде разбитых привязанностей, сознавая необходимость заключать мимолетные связи и переходить от одной любви к другой, — увы! — сама не зная почему, заглушая зарождающееся чувство и расцветающую нежность, она стала равнодушной ко всему, забывала вчерашнюю любовь и думала о сегодняшней любви столько же, сколько и о завтрашней страсти.

Несчастливая, она нуждалась в уединении... И всегда была окружена людьми. Она нуждалась в тишине... и воспринимала своим

ДАМА С КАМЕЛИЯМИ

I

По моему мнению, можно создавать типы людей только после долгого их изучения, так же как можно говорить на каком-нибудь языке, лишь изучив его серьезно.

Я еще не в том возрасте, когда надо что-то выдумывать, и поэтому ограничусь пересказом.

Прошу читателя поверить в истинность событий, все действующие лица которых, за исключением героини, еще живы.

Кроме того, в Париже найдутся свидетели большинства происшествий, рассказанных здесь, и сумеют их подтвердить, если моего слова окажется мало. Благодаря особому случаю я один мог их описать, ибо только я знал многие подробности, без которых рассказ был бы неинтересен и неполон.

Вот как эти подробности стали мне известны. 12 марта 1847 года я прочел на улице Лаффит большое объявление о предстоящей распродаже мебели и предметов роскоши. Распродажа была назначена ввиду смерти владельца. В объявлении не была названа фамилия покойного, но был указан точный адрес и время: улица д'Антэн, дом № 9, шестнадцатого числа с двенадцати до пяти. Кроме того, было сказано, что тринадцатого и четырнадцатого желающие могут предварительно осмотреть мебель и квартиру.

Я всегда был любителем редкостей и решил не пропустить этого случая, и если не купить, то, по крайней мере, посмотреть вещи.

На следующий день я отправился на улицу д'Антэн.

Несмотря на ранний час, в квартире было уже много посетителей и даже посетительниц. Дамы, одетые в бархат, закутанные в шали и приехавшие в элегантных экипажах, рассматривали, однако, с удивлением и даже с восхищением роскошь, представшую их глазам.

Позднее я понял это восхищение и удивление: присмотревшись к окружающей обстановке, я легко догадался, что нахожусь в квартире содержанки. Здесь были и светские дамы, а их больше всего на свете интересует домашняя обстановка женщин, экипажи которых каждый день забрызгивают грязью их экипажи, которые имеют так же, как и они, абонированные ложи в Большой Опере и в Итальянской и выставляют в Париже напоказ наглую роскошь своей красотой, своих драгоценностей и своих скандалов.

Та, у которой я сейчас находился, умерла, и самые добродетельные дамы могли проникнуть в ее квартиру. Смерть очистила воздух в этой блестящей клоаке, а кроме того, им служило извинением, если вообще нужно было извинение, то, что они пришли на аукцион, не зная, к кому они пришли. Они прочли объявление, хотели осмотреть вещи и заранее сделать выбор, все объяснялось очень просто, но это не мешало им разыскивать среди роскоши следы жизни куртизанки, о которой им, наверное, рассказывали много удивительного.

К несчастью, тайны умерли вместе с богиней, и дамы могли увидеть только то, что продавалось за смертью владелицы, а не то, что продавалось при ее жизни.

Однако выбор был большой. Обстановка была поразительная: мебель розового дерева и Буль¹, северские вазы и китайские, саксонские статуэтки, атлас, бархат и кружева, — все в изобилии.

Я расхаживал по квартире и следил за знатными посетительницами, которые пришли раньше меня. Они вошли в комнату, обтянутую ситцем. Я тоже собирался войти туда, как вдруг они вышли оттуда, улыбаясь и как бы стыдясь своего любопытства. Мой интерес к этой комнате только усилился. Это была уборная, снабженная всем необходимым. Детали эти особенно ярко говорили о расточительности покойной.

На большом столе у стены, столе в три фута ширины и шесть длины, сверкали все сокровища д'Окока и д'Одио. Это был великолепный подбор, и все эти бесчисленные предметы,

¹ Стиль Буль (Bouille) появился во Франции в XVIII веке. Французская мебель достигает своего расцвета именно в этот период. Название стиля Буль происходит от имени мастера художественной мебели Андре Шарля Буля (Bouille).

необходимые при туалете такой женщины, были из серебра и золота. И собрана была эта коллекция, по-видимому, не сразу, а постепенно, как дань любви различных людей.

Я не приходил в смущение при виде уборной содержанки, и мне нравилось рассматривать все мелочи. Я обратил внимание, что на всех этих прекрасных чеканных принадлежностях были различные инициалы и различные гербы.

Я рассматривал эти вещи, каждая из которых рассказывала мне о новом падении бедной девушки, и приходил к выводу, что Бог был милостив к ней, не дал дожить до обычного конца, позволил умереть среди роскоши и красоты, не дожидаясь старости, этой первой смерти куртизанок.

И действительно, как грустно видеть старость порока, особенно у женщины! В нем нет никакого достоинства, и он не вызывает никакого сочувствия. Отвратительно слышать это вечное сожаление не о дурно прожитой жизни, а о неверных расчетах и легкомысленно растроченных деньгах. Я знал одну старую проститутку, у которой от прошлого осталась только дочь, по словам ее современников, почти такая же красивая, как она сама. Эту бедную девушку звали Луизой. Мать постоянно напоминала ей, что она обязана заботиться о матери в старости, так же, как мать заботилась о ней в детстве, и, исполняя приказание матери, она отдавалась без всякой страсти, без удовольствия, как исполняла бы всякое другое ремесло, которому ее научили бы.

Постоянная жизнь среди разврата, разврата преждевременного, и постоянное болезненное состояние заглушили в этой девушке сознание добра и зла, которое, может быть, и было заложено в ней Богом, но развивать которое никому не приходило в голову.

Я никогда не забуду этой девушки, которая появлялась на бульварах почти каждый день, в одно и то же время. Ее мать сопровождала ее всегда, так же заботливо, как всякая другая мать сопровождает свою любимую дочь. Я был тогда очень молод и готов был примириться с легкой моралью нашего времени. Но отлично помню, что этот отвратительный надзор вызывал во мне презрение и негодование. К тому же ни у одной порядочной девушки не было такого выражения невинности и тихого страдания в лице. Это была как бы олицетворенная покорность.

Однажды лицо девушки просветлело. Среди разврата, которым руководила ее мать, грешнице показалось, что Бог явил ей милость. Но почему же Бог, который создал ее бесильной, не даст ей утешения в ее тяжелой и мрачной жизни? Однажды она почувствовала, что беременна, и все, что у нее оставалось целомудренного, затрепетало от радости. В каждой душе есть свои противоречия. Луиза поспешила сообщить матери эту радостную новость. Стыдно сказать, но ведь мы делаем это не из любви к пороку, мы рассказываем истинное происшествие и, наверное, промолчали бы о нем, если бы не думали, что нужно время от времени раскрывать мучения этих созданий, которых осуждают, не выслушав, и презирают, не подвергнув суду. Стыдно сказать, но мать ответила дочери, что им обоим только-только хватает на жизнь и что такие дети всегда лишние, а беременность — потерянное время.

На следующий день акушерка, подруга ее матери, пришла к Луизе. Луиза пролежала несколько дней в постели и стала еще более слабая и бледная, чем раньше.

Три месяца спустя какой-то господин проникся к ней жалостью и стал проявлять о ней заботу, но последнее потрясение было слишком сильным, и Луиза умерла от последствий искусственного выкидыша.

Мать еще жива; как она живет, один Бог знает.

Я вспомнил эту историю, рассматривая серебряные несесеры, и, по-видимому, сильно задумался. В комнате не осталось больше никого, кроме меня и сторожа, который, стоя у двери, внимательно наблюдал за мной.

Я подошел к сторожу, которому внулшал недоверие.

— Не можете ли вы мне сказать, — спросил я, — кто жил здесь?

— Маргарита Готье.

— Как! — воскликнул я. — Маргарита Готье умерла?

— Да, сударь.

— Когда же?

— Кажется, недели три тому назад.

— А почему разрешили публике осматривать помещение?

— Кредиторы думают, что это только повысит цены. Можно заранее осмотреть мебель и обивку и выбрать по вкусу.

— У нее были долги?

— Очень много.

- Но аукцион покроет их?
- С излишком.
- А кому же достанется излишек?
- Ее семье.
- У нее есть родные?
- Кажется.
- Благодарю вас.

Сторож поклонился мне. Я ушел.

«Бедная девушка, — подумал я, возвращаясь домой, — невесело было ей умирать. В ее кругу имеют друзей только тогда, когда все идет хорошо». И невольно мне стало жаль Маргариту Готье.

Многим покажется, может быть, смешным, но я питаю чрезмерную снисходительность к проституткам и даже не намерен в этом оправдываться.

Однажды я шел в полицию за паспортом и видел, как двое жандармов вели по улице девушку. Я не знаю, что сделала эта девушка, знаю только, что она обливалась слезами, целуя грудного ребенка, от которого ее отрывали. С тех пор я не могу презирать женщину с первого взгляда.

II

Аукцион был назначен на шестнадцатое. Был оставлен свободный день между осмотром и аукционом, чтобы дать время обойщикам снять занавеси, обивку и так далее.

Я недавно вернулся из путешествия. Вполне естественно, что мне не сообщили о смерти Маргариты. Это была не та новость, которую друзья обычно сообщают возвращающемуся домой, в столицу. Маргарита была красива, но насколько шумна жизнь этих женщин, настолько тиха их смерть. Эти светила восходят и заходят без блеска. Когда они умирают молодыми, об их смерти узнают все их любовники одновременно, потому что в Париже почти все любовники известной кокетки живут одной жизнью. Они обмениваются воспоминаниями и продолжают свою жизнь дальше, не пролив ни единой слезы.

В наше время двадцатипятилетние молодые люди редко проливают слезы и не могут оплакивать первую встречную.

Оплакивают только родителей, которые платят за слезы, и в зависимости от суммы, которую они уплатили.

Что касается меня, то, хотя моих букв и не было на туалетных принадлежностях Маргариты, инстинктивная снисходительность, естественная жалость, в которой я только что признался, заставляли меня думать о ее смерти дольше, чем она этого, может быть, заслуживала.

Я вспомнил, что часто встречал Маргариту на Елисейских полях, куда она ездила каждый день в маленькой синей карете, запряженной парой великолепных гнедых лошадей. Я отметил в ней тогда одну черту, несвойственную ей подобным, черту, которая как бы подчеркивала ее воистину исключительную красоту.

Эти несчастные создания, появляясь на улице, всегда окружены всяким сбродом.

Ни один мужчина не согласится афишировать подругу своих ночных наслаждений, но так как проститутки боятся одиночества, то они берут с собой на прогулку или менее счастливых подруг, не имеющих собственных выездов, или старых кокоток, все еще заботящихся о своей внешности, к которым свободно можно обратиться за справками относительно их спутницы.

Маргарита держалась иначе. Она приезжала на Елисейские поля всегда одна в своем экипаже, старалась не привлечь к себе внимания, зимой куталась в большую шаль, летом носила простые платья, и, хотя по дороге встречала много знакомых, ее улыбку видели только они, и только герцогиня могла бы так улыбаться.

Она не гуляла по кругу в начале Елисейских полей, как это делают и делали все ее товарки. Лошади быстро уносили ее в лес. Там она выходила из экипажа, гуляла в продолжение часа, вновь садилась в экипаж и возвращалась домой.

Я вспоминал все эти мелочи, очевидцем которых иногда бывал, и оплакивал смерть этой девушки, как оплакивают гибель прекрасного произведения искусства.

Вряд ли можно было встретить более приятную красоту, чем красота Маргариты.

Она была высокого роста и очень худощава, но свой физический недостаток искусно скрывала под складками платья. Ее длинная шаль, концы которой спускались до земли,

лежала на широких оборках шелкового платья, а пушистая муфта, в которую она прятала руки, прижимая ее к груди, искусно была окружена воланами.

Представьте себе на чудном овале лица черные глаза и над ними такой четкий изгиб бровей, как будто нарисованный, окаймите глаза длинными ресницами, которые бросают тень на розовые щеки, нарисуйте тонкий, прямой нос с чувственными ноздрями, набросайте правильный ротик, прелестные губки которого прикрывают молочно-белые зубы, покройте кожу бархатистым пушком — и вы получите полный портрет этой очаровательной головки.

Волосы, черные как смоль, были уложены так, что оставляли открытыми кончики ушей, в которых сверкали два бриллианта, каждый ценою в четыре-пять тысяч франков.

Мы можем только констатировать факт, совершенно его не понимая, что чувственная жизнь не лишила лицо Маргариты девственного и даже детского выражения.

У Маргариты был ее портрет, написанный Видалем¹, единственным человеком, чей карандаш мог ее передать. После смерти Маргариты этот портрет был несколько дней в моем распоряжении. Он был так удивительно похож, что помог мне восстановить детали, которых моя память не удержала.

Некоторые мелочи, о которых я говорю в этой главе, стали мне известны много позднее, но я пишу о них сейчас, чтобы не возвращаться к ним позднее, когда начнется история жизни этой женщины.

Маргарита бывала на всех первых представлениях и все вечера проводила в театрах и на балах. Каждый раз, когда давалась новая пьеса, ее наверняка можно было встретить в театре с тремя вещами, с которыми она никогда не расставалась и которые всегда лежали на барьере ее ложи бенуара: с лорнетом, коробкой конфет и букетом камелий.

В течение двадцати пяти дней каждого месяца камелии были белые, а остальные пять дней они были красные: никому не известна была причина, почему цветы менялись,

¹ Винсент Видаль (1812–1887) пользовался в 1840-х гг. большой известностью благодаря своим портретам, идеальным головкам и пастельным работам; однако мода на него прошла очень скоро, так как в его стиле было много слащавости.

*Мы можем только констатировать факт,
совершенно его не понимая, что чувственная жизнь
не лишила лицо Маргариты девственного
и даже детского выражения.*

Содержание

Жюль Женап. *Мари Дюплесси* 3

Дама с камелиями 14